
Сергей ЗЕЛЬДИН

РАССКАЗЫ

ПУШКИН, «МАЙН КАМПФ» И Т-34

Бронзовые буквы «А. С. ПУШКИН» из постамента выдрали с корнем. Пушкина грубо уронили лицом, так, что старая крышка продавилась под его абиссинским носом; в свете фонаря мелькнули пушкинские зеленоватые кудри, «эвакуатор» вырулил с бульвара, постоял на «красный», свернул на Ивана Кочерги и уехал. Двое зевак разошлись...

Сергей Васильевич Муляр поднял брови, сделал губы «уточкой», глубоко вздохнул носом и выключил телефон.

Хотя он жил в Житомире, но сюжет о снятии памятника Пушкину на Старом бульваре он получил от Гриши Мазе из Израиля.

Гриша был типичный дуб. Не осилив за тридцать лет иврита, без которого в Израиле никуда, он больше интересовался ситуацией в мире, чем своими делами, при том, что работал паршивым охранником в супермаркете, хотя дочь, красивая как шемаханская царица, была журналисткой в Нью-Йорке, а жена шила свадебные платья и зарабатывала, как десять Гриш. В довершение всего Мазе был бардом-гитаристом и буквально изводил всех своею самодеятельностью. Конечно, с гитарой у костра ему было бы самое место, но ситуация в мире давно изменилась.

Сейчас Мазе горячо разорялся насчет житомирского фашизма, что кто же теперь будет стоять вместо Пушкина, не Бандера ли, и на каких примерах будет учиться будущее поколение.

«Какое еще будущее поколение?» — написал в ответ Сергей Васильевич, и Гриша задумчиво умолк.

В свое время в восьмой школе они не были ни друзьями, ни приятелями, а просто одноклассниками. Серега был в авторитете, ходил на бокс в «Динамо», а Гриша Мазе был губатым «айдом», хотя чмарили его меньше, чем Гешу Якубовича или Изю Хузмана, потому что он здорово мотался в баскетбол и стоял на воротах.

А теперь, когда прошли две пятых века и детство осталось в прошлом, они любили поболтать по вайберу, тем более что в Украине было так интересно, в Израиле с арабами тоже, а Грине и Серому было по-стариковски скучно.

Но все это было такое, а сейчас Сергей Васильевич отключил телефон и задумался о снятии Пушкина, потом о том, что когда Пушкин упал на дуэли, то успел выстрелить лежа и тоже ранил Дантеса, короче, был мужик. А Дантес, этот мутый тип, вернулся во Францию и дожил чуть ли не до ста лет. А дочка Дантеса по роковому стечению об-

Сергей Леонидович Зельдин родился в 1962 году в Краснодарском крае, станица Ярославская. Работал стеклодувом, был бизнесменом, инкассатором, политиком. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Волга», «Сибирские огни», «Слово/Word», «Журнал Вадима Ярмолинца», «Новый берег», «Крещатик», в интернет-издании «Чайка». Живет в городе Житомире (Украина).

стоятельств стала фанаткой Пушкина и под конец сошла с ума от мысли, что это ее папа Жорж виноват в смерти ее кумира, в чем проявилась рука Провидения. Мысли Сергея Васильевича забрались еще дальше, но опять вернулись на Старый бульвар к опустевшему пьедесталу, и ему стало еще больше неприятно и даже в чем-то больно. Но потом он подумал, что сейчас такие времена, что и людей никто не жалеет, а тут — памятник.

Да и в принципе тут ничего особенного не было. Памятники в Житомире давно уже сносились, улицы переименовывались, и только до переулков руки пока не дошли.

Первым, естественно, пострадал памятник Ленину на Соборном майдане, бывшей площади Ленина.

Огромную статую красного гранита, имевшую советскую художественную ценность, валила бригада из Львова, мотавшаяся после майдана по центральным и восточным областям, как Троцкий по фронтам.

Потом настало время всяких маршалов Победы, руководителей подполья, дважды Героев Соцтруда, и, наконец, наступило время заката «солнца русской поэзии». Вначале к автору «Я помню чудное мгновенье» особых претензий не было, но так как в последнее время слово «русский» приобрело inferнально-замогильный оттенок, вроде «Каин», «Иуда» или даже «желтоухая собака, пожравшая труп своего отца», как говорили монголы во времена Чингисхана, то Пушкина подвело именно то, что он был солнцем русской, а не какой-то другой поэзии.

В общем и целом, опупевшим за последние восемь лет гражданам было наплевать как на солнце, так и на поэзию, но именно этот бюст со Старого бульвара было немного жаль.

Поставили его сто двадцать три года назад в честь столетия со дня рождения поэта — с разрешения городской думы, на средства спонсоров и доброхотные жертвования мещан и обывателей. Кроме того, памятнику был преподнесен серебряный венок с надписью «Нашему дорогому поэту от евреев купеческого звания города Житомира». По случайному стечению обстоятельств бюст Пушкина на Старом бульваре стал и первым памятником в Житомире вообще.

Когда-то, когда Сергей Васильевич был молод, он лирически думал во время прогулок по бульвару, когда идешь, загребая ногами осенние листья, или гуляешь с девушкой, невольно нюхая запах распутившихся каштанов: эх и старый же наш Старый бульвар! Ходили по нему когда-то гимназисточки в пелеринках, студии с люэсом, офицеры лейб-гвардии Тарутинского полка, купчики еврейского звания, барышни-желтобилетчицы — и назначали свидания, и договаривались о встрече на ступенях «у Пушкина» или рядом, возле больших гранитных шаров.

Таких юбилейных бюстов, а также полноростных памятников много было поставлено в 1899-м по всей необъятной Российской империи, так что даже Ильф и Петров успели пройти по одному из них: «В первую же ночь на спине Пушкина рукой неизвестного мелом было написано короткое матерное слово, затем аккуратно возобновлявшееся в течение двадцати семи лет».

Наверное, памятники и бюсты Александру Сергеевичу устанавливали и в честь столетия его смерти, в тридцать седьмом, и если бы речь шла о снятии именно этих памятников, то никто бы ничего не подумал, а тут у Сергея Васильевича слегка защемило сердце, когда он увидел, как на шею Пушкину накинули чалку-петлю, приподняли его, так что он стал похож на одного из пяти декабристов с известного рисунка, бросили лицом на грязную крышку и увезли в неизвестном направлении. И хотя мэр Балабан и объяснял в сети, что Пушкина обменяют на наших пленных хлопцев, понятно было, что все это чушь и никого на него не обменяют, а просто сдадут на цветной лом, а деньги освоят.

По телефону не стоило сильно бухтеть на такие скользкие темы, но все же Сергей Васильевич не смог отказать себе в сомнительном удовольствии описать произошедшее с Пушкиным Коле Оноприенко, бывшему завкафедрой универа, выводившему студентов на областной майдан и впоследствии раскаявшемуся в содеянном.

— Пидар-расы! — прохрипел старый филолог.

С началом войны памятниками какое-то время не занимались, не считая танка Т-34 с номером «945» на башне, стоявшего на постаменте на майдане Перемоги и в свое время одним из первых ворвавшегося в Житомир в январе сорок четвертого. Патриоты давно к нему присматривались, но мешали то пятая колонна, то старые пердуны ветераны.

Теперь же в перерывах между воздушными тревогами подогнали кран и подвели под танк тросы.

Но первый кран не взял груз. Но потом приехал кран помощнее, и наконец оторвал от постаumenta этот рудимент советской оккупации, и поставил на прицеп.

Говорили, что Т-34 закопают на окраине, чтобы он в случае чего вел огонь по наступающим москалям, но на деле его отвезли на берег Тетерева к монументу Славы с давно погасшим Вечным огнем.

Так этим танком все и ограничилось.

Но после харьковской наступательной операции, тем более после освобождения Херсона от русских захватчиков, патриотическая общественность почувствовала прилив утраченных сил и снова взялась за памятники и таблички. Причем особо досталось опять-таки Пушкину, у которого не только забрали памятник, но и решили переименовать улицу его имени, испокон веков ведущую из городского парка к филармонии, хотя пока и не знали в честь кого, потому что Грушевские, Петлюры и Бульбы-Боровцы тоже не были резиновыми.

Та же участь ожидала и улицы Лермонтова, Короленко и Льва Толстого, своими названиями позорящие Житомир и мешающие «збуреной громаде», как тесные башмаки жали туземцу в «Королях и капусте».

Сергей Васильевич почти не сомневался, что следующая волна репрессий докатится до железной фигуры Лариосика из «Дней Турбиных», стоящей у ночного клуба «Атлантис» с чемоданом в руках. А затем и до Паниковского на Прорезной в Киеве, учитывая мэра-боксера. Тем более что Ильф и Петров были фельетонистами в «Правде», а Булгаков издевался над гетманом Скоропадским, батькой Петлюрой и даже писал, что никакой украинской мовы нет в природе.

Но Сергей Васильевич, который считал, что и Лермонтов со Львом Толстым не настолько виноваты, был по-настоящему поражен, когда патриоты пообещали взяться за академика Королева, точнее, за его памятник перед Облрадой, а в перспективе и за Музей космонавтики с большими ржавыми «Восходом» и «Союзом» во дворе.

С одной стороны, рациональное зерно в том, что ракеты академика обстреливают наши позиции на фронте и в тылу, было. С другой стороны, такими же ракетами и наши хлопцы бомбили москалей.

И потом, главный конструктор космической техники был визитной карточкой Житомира, и житомирянам казалось, что кто бы в мире ни сказал: «Начало космической эры» или «Пер аспера ад астра!», что в переводе означает: «Долетим мы до самого Солнца и домой возвратимся скорей!» — вместе с этим поминает и их город, породивший всемирного гения.

Во-вторых, Королев пострадал от советской власти не меньше Тараса Шевченко, отсидев в лагерях и даже умерев от последствий, когда из-за сломанной на допросе челюсти ему не смогли в решающий момент ввести дыхательную трубку.

В-третьих, ракеты для обстрела врага были изобретены еще до Сергея Павловича древними китайцами и даже применялись запорожскими козаками при осаде городов. И хотя китайско-козацкие ракеты больше напоминали фейерверки, но факт остается фактом, и вина Королева в сожжении и разграблении Кракова никем не доказана.

Но шла война с полчищами путинских якутов, то есть бурятов, и никто не собирался вникать в эти тонкости, тем более что книги на русском языке, будь то даже «Дон Кихот» или «Илиада», были давно уже вывезены из областной библиотеки в неизвестном направлении и сданы в цех переработки макулатуры по улице Промышленной, семнадцать.

Сергей Васильевич, ходивший в библиотеку за детективами для тети последние пятнадцать лет, считал это не совсем логичным и смахивающим на кое-что в Германии тридцатых.

Но тут было дело принципа, и даже если бы в библиотеке стоял на полках «Майн кампф», его бы выкинули вместе с Пушкиным и Толстым, если и он был на проклятой российской мове, хотя и не стоит применять певучее соловьиное «мова» к ордынскому бульканью кацапов.

Нет, в принципе Сергею Васильевичу Муляру, как и всем, угнетенным «прилетами» и перебоями со светом, было наплевать на эти игры патриотов, но в душе его шевелился червь убеждения, что ничего хорошего из этого в дальнейшем не выйдет, как не вышло из ментов, сожженных заживо на майдане.

ФИНСКИЙ ЯЗЫК

Если бы кто-то сказал Николаю Николаевичу Куськало: «Коля, тебя расстреляют, если ты не выучишь финский язык!», то он бы ответил голосом балтийского матроса в рваной тельняшке и с руками, скрученными за спиной колючей проволокой: «С...! Б...! Стреляйте! Режьте, пытайте, на х..., но финский учить я не буду!»

А раньше-то он так не думал, а думал: «Та-а...»

1. Финляндия

Когда в двадцать втором началась война, жена Николая Николаевича Людмила после первых же воздушных тревог и ракетных взрывов покидала в чемоданы все, что влезло, села в переполненный автобус Житомир—Львів, помахала Николаю Николаевичу рукой, заплакала и уехала.

И вскоре через Польшу и Эстонию по совету новых автобусных подруг приехала в Финляндию.

Николай Николаевич, удрученный сценой расставания, покурил, пошел домой и целый год жил в квартире сам, так как ему еще не исполнилось шестидесяти лет и на границе его бы не пропустили.

Весь этот год, исполненный военных реалий, он то хотел ехать, когда будет можно, то передумывал — и в плане патриотизма, и потому, что его лучший друг Валерка Галин с женой Ксюшей не могли уехать по семейным причинам в виде стариков в селе, дряхлого пуделя Бубы и котенка Баси. А так они могли, потому что Галин был старым афганцем на второй группе¹ и его бы выпустили без проблем. Дети же с внуками, слава богу, жили у них далеко, иначе сын Николая Николаевича Саня и зять Валерия Вадимовича Леня не миновали бы этой мясорубки.

¹ Вторая группа инвалидности.

То Николай Николаевич хотел ехать, то передумывал, то вдруг опять хотел, потому что никогда не был за границей, а тут был такой случай, и можно было бесплатно пожить в любой точке Европы или даже остаться.

Ну конечно, за любую точку было сильно сказано, ведь Людмила-то была в Финляндии и уже получила там как беженка квартиру, устроилась с пособием и усиленно звала Николая Николаевича к себе, так как без мужа ей было пусто.

И сын Николая Николаевича, Саня, у себя в Канаде тоже извелся, что старый дурень сидит там под бомбами и всем треплет нервы, и так же извелась невестка Ирина и внучка Алекса.

И Валерка Галин с Ксюхой тоже уговаривали Кольку не чудить, не выдумывать и не заниматься ерундой, а тикать отсюда подальше.

«А что? — иногда думал он. — Выучу язык, освою какую-нибудь новую специальность, айтишника, там, или игрока на саксофоне — сколько той жизни осталось — и буду банковать? Не было счастья, да несчастье помогло?»

И как-то незаметно для себя после Нового года и Рождества он созрел.

И вот поплакав на автовокзале с Галиными, Николай Николаевич с трудом запер в багажник автобуса чемоданы с Людмилиными вещами, поцеловался с другом в последний раз, взмахнул рукой, показал на телефон и уехал.

И не далее как через двое суток, двадцать первого января двадцать третьего года, уже обнимал на ступеньках хельсинкского вокзала родную жену.

Николай Николаевич был первый раз за границей, тем более в капстране, и был как в чаду, особенно когда попил на вокзале жиденького кофе за три евро.

И вот они приехали в маленький городок, название которого — Валкеакоски — Николай Николаевич еще долго не мог не только запомнить, но даже прочитать без запинки, поднялись на второй этаж местного дома престарелых, вошли в маленькую однокомнатную квартирку и заперли за собой дверь.

2. Угро-финская группа

Услышав впервые финский язык, Николай Николаевич содрогнулся.

Одно дело слышать такое по телевизору или со стороны и думать: «Е... — пона мать!..» А другое — знать, что на этом придется разговаривать.

Конечно, если бы Николай Николаевич был маленьким ребенком, сыном графа или помещика в девятнадцатом столетии, то он, возможно, легко бы выучил финский язык заодно с французским, так как мозг у младенцев мягок и податлив, как доска для письма, «табула раса». Или, другой вариант, если бы он был агентом абвера, то тогда бы при помощи немецкой науки в виде разрядов электротока его бы тоже быстро обучили этому делу наряду с прыжками с самолетов и отравлением колодцев.

Но так, в шестьдесят лет, с бухты-барахты, на ровном месте? Это было абсурдом.

И нельзя сказать, чтобы финский язык был похож на бульканье инопланетян или на цоканье и щелчки бушменов, но тупое отчаяние охватывало Николая Николаевича, когда на кассе в супермаркете он слышал обращенное к себе и ждущее ответа: «Хювяя илтапайва тарвитсетко улимаарайсен пуссин пйивиттаиставароита вартен киитос?»² Либо: «Хей антэкси унохдит пуннита тьян каалин каупаикалла йа кинниття куйтин хиннан китос»³.

Николай Николаевич бормотал свое заклятие: «Антэкси, эн пуху суомея», — которое означало, что он приезжий идиот. И хотя финны и не показывали, что считают

² Добрый день, не нужно ли вам дополнительного пакета для ваших продуктов, спасибо.

³ Здравствуйте, простите, вы забыли взвесить эту капусту в торговом зале и наклеить чек с ценой, спасибо.

его таким, но Николаю Николаевичу казалось, что он читает в их бледно-голубых глазах: «Чурка, б..., не финский! Панаехало вас тут!..»

«А шо же ты хотел? — говорил по вайберу Валерка Галин, бывший декан университета. — Финно-угорская группа!»

Конечно, всех желающих учили языку на бесплатных курсах, но Николай Николаевич туда не ходил «по причине гордой застенчивости», как говорил Остап Бендер. Все «желающие» были молодые девчата со знанием английского или хлопцы гренадерского вида, но тем не менее инвалиды с детства.

Супруга Николая Николаевича Люда проходила курс обучения уже в третий раз, старалась, учила, писала в тетрадку, шевелила губами и произносила текст громко вслух, кося в учебник глазом, но все было даром, и финский язык был для нее так же далек и непонятен, как и тогда, когда она жила в Житомире и думала, что Финляндия — это Швеция. Людка жаловалась и даже плакала, что молодые все хватают на лету и через месяц-другой уже начинают потихоньку болтать по-фински, а она сидит как дура и все ее считают старой идиоткой.

Николай Николаевич, несмотря на все это, старался взять себя в руки, давал себе обещания ходить вместе с девушками на занятия и позориться перед ними, сколько понадобится. Убеждал себя, что невозможно быть вечным глухонемым, если собираешься тут остаться и влиться в дружную финно-угорскую семью. Уговаривал свое «эго», что лучшая профилактика от старческого слабоумия — это изучение иностранных языков, подбадривал себя и настраивал, как будто собирался бросать курить. Но это все не помогало.

Николай Николаевич выучил, конечно, с десяток слов, чтобы не быть совсем уже бессловесным, вроде: «китос» — «спасибо», «олэ килты» — «пожалуйста» или «хювя хуомэнта» — «доброе утро», а самое главное: «эн пуху суомэя» — «я не говорю по-фински» и «туллен украинаста» — «я приехал с Украины».

А если на прогулке местные пенсионеры, бодро ковылявшие с лыжными палками и носившиеся на самокатах, похожих на ходунки с колесиками, кричали ему, приняв за своего, какую-то длинную веселую фразу, Николай Николаевич надувал щеки, как старый лапландец, кивал и отвечал полубасом: «Йо-йо! Мита? Йо!»⁴

И отойдя, сплевывал: «Угро-финская группа, твою мать!.. Йо-йо!..»

4. Някемиин, Суоми, киитос я някемиин!⁵

— А как «добрый вечер» по-ихнему? — хохотал Валерка Галин.

— Хювя илтаа! — говорил хохочущий Николай Николаевич.

— Хэ-хэ! Во дают! — хохотал бывший декан. — А «пошли бухнем»?

— Хрен его знает! — веселился Николай Николаевич, и они, качая головами, подошли к любимому кафе «Геретения» на Театральной, взяли кофе, уселись за уличный столик и закурили.

— Вовремя успели! — сказал Валерка. — Скоро тревога будет, передавали, в Мурманске «девятиношты» поднялись, со «сто первыми»⁶, позакрывают сейчас все на хрен.

— Точно, вовремя, — подтвердил Николай Николаевич, и они посмотрели друг на друга со скупой любовью.

— А то передумаешь? — сказал пятидесятидевятiletний Валерка. — Погостишь и назад? Европа! Ни сирен, ни прилетов! Спокуха!

⁴ Да-да! Что? Да!

⁵ До свидания, Финляндия, спасибо и прощай!

⁶ В арсенале российских бомбардировщиков Ту-95 помимо прочего имеются ракеты Х-101.

— Та не, — сказал Николай Николаевич.

Он и правда чувствовал себя так, как будто вернулся домой после долгой вынужденной отлучки, неприятной командировки куда-то к черту на рога.

— Зря, — сказал друг. — Один Бог знает, что тут будет, когда с Донбассом закончат. И осмотрелся по сторонам.

— Ничего страшного, — сказал Колька.

Он и сам до конца не знал, по какой причине так быстро собрался и уехал, невзирая на Людмилины охи, ахи и слезы.

А впрочем, знал.

Стоял он холодным майским днем, когда с озера Кааккопера дуло сырým ветром и кричали чайки, возле маркета «Токмани» и курил. Николай Николаевич имел такую привычку: покурить под кофе возле гастрономов. Дома в Житомире он любил покурить возле «Зализничника» напротив железнодорожного вокзала; под «Зустріччю» на Киевской и, особенно, на Житнем рынке возле «Мясного павильона». «Кофейник» Андруха в своем ларьке варил за семь гривень американо с такой пенкой, что и в Италии с Венами не попьешь. И всегда стояла, пила кофе, курила и базарила оживленная толпа мужиков: продавцов, рубщиков, бездельников и просто бомжей.

Николай Николаевич курил под маркетом «Токмани» и вдруг подумал, что если он тут простоит и прокурит полгода, год или все два, то и тогда к нему никто не подойдет сшибить сигаретку или хотя бы бычок, не заговорит о политике, спорте или вопросах философии, не подмигнет и даже не посмотрит в глаза.

И это была причина.

Ну и финский язык, конечно.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Давно прошли те времена, когда планы наступлений и контр наступлений воюющих армий были облечены в тайну, а разведки и контрразведки противоборствующих сторон сбивались с ног, пытаясь хоть что-нибудь разведать о силах противника, его танках, пушках и номерах дивизий.

Наши разведчики и их шпионы долго и мучительно, за десятилетия до предполагаемой войны, через третьи страны и четвертые руки внедрялись в тыл вероятного врага, обзаводились женами, детьми, партбилетами, жили под колпаком и ходили по краю, чтобы потом, когда грянет час «Ч», добыть для Родины нужную информацию и послать шифровку, что Япония не нападет, так как у нее другие планы.

Это нашло отображение в литературе и мировом кинематографе.

Вспомним хотя бы Штирлица из «Семнадцати мгновений весны» или матерого агента абвера Мищенко из «Момент истины».

Но те времена канули в прошлое, что, безусловно, нанесло огромный удар по «шпионской» литературе и делает анахронизмом фильмы о Джеймсе Бонде.

В наше время о грядущем наступлении или контр наступлении еще задолго вещают пресса, телевидение и Интернет. О времени начала стратегической операции рассказывают государственные деятели и военачальники, ее анализируют эксперты и критикуют Яков Кедми, на успех или неуспех генерального наступления или решительного контр наступления принимают ставки букмекерские конторы.

И хотя политики могут ошибиться, а военные пребывать в заблуждении, букмекеры не ошибаются, и если на успех наступления принимаются ставки из расчета два с половиной к одному, а контр наступления, наоборот, один к трем, то можно быть уве-

ренным, что наступление будет победоносным, а вот контр наступление захлебнется в самый неудобный момент.

За модным же словечком «прокси» кроется то, что все в нашем мире, включая священную войну, стало мутным, протухшим, фальшивым и брехливым. Исключением составляют трупы — они-то самые настоящие, как в битве при Алезии в 52 году до н. э. (двести пятьдесят—триста тысяч убитых) или в сражении за Сталинград в 1942—1943 годах н. э. (два с половиной—три миллиона).

В преддверии грядущей мясорубки стороны обмениваются оскорблениями, обвинениями и зловещими намеками.

О силах же, средствах и передвижениях враждебных армий известно все доподлинно, вплоть до последней роты солдат или батареи пушек, не говоря уже о ракетах «патриот» или тяжелых огнеметных системах «солнцепек».

Это напоминает игру, если бы не реки крови и горы мертвых тел.

Порою можно услышать, что гибнет в основном призывная беднота и самые глупые из патриотов. Но это не так, так война не делается, а просто государство в очередной раз эксплуатирует первобытную тягу мужчин сражаться и убивать.

Впрочем, если у вас есть пять—десять тысяч долларов, вы можете совершенно не переживать за целостность вашей шкуры, которая, как ни крути, у вас одна. Одно дело кричать на стадионе: «Хто не скаче, той москаль!», и другое, как говорил солдат Швейк, бежать в атаку, навалив полные штаны.

Такова была ситуация, когда Виктор Викентьевич Шуляр позвонил в Украину.

1. Смерть Адальберта

Да, такие были дела, когда двадцать восьмого мая сего двадцать третьего года Виктор Викентьевич позвонил по вайберу Москаленкам и для начала связался с Татьяной, зная, что она сильнее духом, чем Анатолий.

Звонил Виктор Викентьевич с тяжелым чувством, заставляя себя и убеждая, что надо.

Он мог только слабо представить себе, какие тоска и горе поселились в груди у Москаленок, какая безжизненная пустыня простерлась перед их духовным взором на ближайшие дни, недели, а может быть, и месяцы.

Да и то сказать, Адальберт, а для друзей и домашних просто Адик, умер...

Правда, нужно учесть, что по человеческим меркам Адик было в районе девяноста восьми лет — он прожил шестнадцать собачьих, исполненных неги и холи. Виктор Викентьевич справедливо полагал, что у большинства украинских пенсионеров жизнь не в пример короче и хуже.

«Боже мой, — думал Виктор Викентьевич, — псина сдохла, а траур будет, как по принцессе Диане!»

Но разве сердцу собачника прикажешь? Без всяких шуток Виктору Викентьевичу казалось, что если бы владельцу собаки дать волю, он не задумываясь прикончил бы мальчика, кинувшего камнем в его овчарку. А хозяин отравленного питбуля собственноручно подверг бы соседей колесованию с последующим торжественным аутодафе.

Это странно, а может быть, и нет, что чем хуже делаются люди, тем больше их тянет к животным. Об этом писали еще философ древности Деметрий Фалерский и средневековый ученый Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм. Что говорит о том, что люди всегда были одинаковыми.

Сам-то Виктор Викентьевич был кошатником и к собачьим прелестям равнодушным.

Но Москаленки были лучшими и единственными друзьями, оставшимися в далеком украинском Костомышле, в то время как он, пусть и не трусливо, но все же сбежал, то есть не сбежал, а просто уехал и приехал к уехавшей ранее Зинаиде в Германию, в Нюрнберг, на эту родину национал-социализма, и пил здесь «Шварцбир»⁷ под свиные ножки.

Но Господи ты Боже мой, как же Толик и Татьяна любили своего Адика, этого запыленного, придурковатого кокер-спаниеля!

Москаленки были состоятельными: пан Москаленко был бизнесменом и владел фирмой по изготовлению пластиковых окон «Престіж», а Татьяна тоже была бизнесвумен, и у нее была клиринговая компания «Мийдодир».

Кроме того, дочка Москаленок Элеонора, пойдя в родителей, постепенно перепрыгнула их, став еще большей бизнесменшей, и торговала элитными участками, что вызывало сентиментальные чувства у Виктора Викентьевича, так как профессор Сальватор из «Человека-амфибии», любимой книги его детства, разбогател точно таким же способом.

И она же, Элеонора, подарила старикам маленького крошку Адальберта с родословной, нисходящей в глубь столетий, когда у них умерла предыдущая собака редкой и сложной породы, что-то среднее между бульдогом и сенбернаром. Папа Москаленко был тогда близок к суициду, а мама к психическому надлому.

И вот этот новый пес Адик все свои девяносто восемь лет украшал быт хозяев и служил им верой и правдой, беззаветно позволяя выгуливать себя в парке, стричь в салоне собачьей красоты, лечить в частной клинике «Багира», вязать с отборными суками и пичкать вкусняшками из «Пана Марципана».

И вот он умер.

Нервы Москаленков и так уже были ослаблены недавним коронавирусом, когда тяжело переболели оба, причем если бы не бабло и связи, неизвестно чем бы все закончилось. А также неизбежным при военном положении свертыванием бизнесов. Теперь же Виктору Викентьевичу не хотелось даже думать, какая метаморфоза им грозит.

Не то чтобы Москаленки верили в вечную жизнь Адальберта. Либо что понятие «мemento мори» было для них совершенно чуждо. Или они были не в курсе, что все проходит и нет ничего вечного под солнцем. И все же когда это произошло и седенький, слепенький, глухонький, ходящий под себя Адальберт просел на передние лапы и слабо гавкнул хозяевам свое последнее «прости», никто не оказался к этому готов.

2. Контрнаступление вот-вот начнется

Виктор Викентьевич вышел на веранду в нежное нюрнбергское утро, вдохнул баварский воздух, напоминавший ему запахи олеандров в Адлере в одна тысяча девятьсот восемьдесят девятом году, когда он отдыхал там всей семьей по профсоюзной путевке, закурил, описал задумчивый полукруг вокруг столика с лежащим айфоном, наконец взял его и набрал номер:

— Здравствуй, Танюша! — как можно бархатнее и проникновеннее сказал Виктор Викентьевич. — Примите мои с Зинушей соболезнования! Не прекращаем плакать вместе с вами и молимся за дорогого Адичку! Если и есть собачий рай...

— Пошел ты к черту, — взвизгнул голос на другом конце Европы, — со своим раем! П.. дун дешевый! У нас знаешь, что ночью творилось?! Всю дорогу просидели в бомбоубежище, еле добежали! У Толика с сердцем до сих пор!.. Сорок прилетов!.. У Элки за городом крыша обвалилась в каминном зале!.. Тоже к нам со своим Назарием при-

⁷ Шварцбир (нем.) — темный сорт баварского пива.

скакала, сидели на полу!.. Да когда же оно все закончится?.. Да проклятые же эти кацапы!.. Да чтоб они все сдохли!..

— Э-э-э... — проблеял Виктор Викентьевич, который как раз в это утро не заглядывал в «Труху»⁸ и не знал о событиях прошедшей в Костомышле ночи. — А может, это наше контрнаступление вот-вот начнется?..

— Да пошел ты в ... со своим наступлением! — взрыднула Татьяна и отключилась. Виктор Викентьевич посидел, машинально чеша голову, и пошел кушать завтрак.

ЗАТОИЧИ

Чтобы отвлечься от войны, Егор Васильевич Пятитятыкко стал зависать в ютубе.

Так примерно неделю или две он с утра до вечера смотрел чемпионат мира по снукеру.

Глядя на перипетии чемпионата, на игроков, серьезных как индейцы, на английскую корректно свистящую публику, Егор Васильевич с горьким чувством убеждался, что никто там даже не собирался думать об Украине, никто не догадался пригласить президента Зеленского на открытие или хотя бы украсить зал украинскими флагами.

«Пів-світа плаче, пів-світа скаче»⁹, — вспомнил он народную мудрость.

Но потом привык и иногда сам забывал, что сейчас не мирные времена, а военные.

Снукер так Егору Васильевичу понравился, что порой у него у самого чесались руки сыграть против Робертсона или Трампа, но не бывшего президента, а однофамильца.

А раньше Егор Васильевич понятия не имел о снукере.

Снукером оказался бильярд и с разноцветными шарами, и с красными, и надо было забивать то тот шарик, то тот, при этом считая очки. Дело в том, что за каждый разноцветный давалось от двух очков до девяти, а за красный было только одно очко.

Конечно, это кажется сложным и недоступным, но если смотришь пару дней, то потом все понятно.

Но по-любому снукер — это вам не «пирамидка», и снукеристам приходится столько думать, что к старости они делаются похожими на докторов наук.

Самый же лучший игрок в мире Салливан имел манеры и наружность премьер-министра Великобритании, посетившего спортивное мероприятие инкогнито.

Когда-то давно, лет двадцать пять назад, Егор Васильевич тоже любил поиграть в бильярд. Тогда в бывшем магазине «Наглядные пособия» какие-то бандиты открыли бильярдную с буфетом, и Егор Васильевич с друзьями, уже изрядно где-нибудь нализовавшись, заходили полирнуться коньячком и покатать шары и при этом смеялись, как сумасшедшие, не попадая не только по нужному шару, но даже ни по какому.

Но тут чемпионат мира закончился, и чемпионом двадцать третьего года стал бельгиец, лысый молодой человек, совсем бы похожий на Владимира Ильича Ленина, если бы Владимир Ильич ходил с синими от татуировок руками.

Поскольку такого никогда еще не было, чтобы победил кто-то, кроме англичанина, в крайнем случае ирландца, это стало скандалом, и на кислые английские лица было больно смотреть.

Но скоро Егору Васильевичу опять стало тошно от вестей с полей, и он принялся искать новые отдушины в Интернете, куда бы он мог забиться и не видеть ничего вокруг.

⁸ «Труха» — украинский сайт, где сообщают о всех тревогах и «прилетах» в режиме реального времени.

⁹ Пів-світа плаче, пів-світа скаче (укр. посл.) — полмира плачет, полмира пляшет.

Теперь он полюбил программу одного блогера, Чайкина, хотя он и был кацапом, где рассказывались случаи о несчастьях и катастрофах, постигших любителей экстремального отдыха.

Егору Васильевичу не так было жалко альпинистов, которых никто не заставлял переться в горы и усеивать там склоны своими изможденными телами, как было жаль простых, рядовых туристов.

В конце концов Егор Васильевич узнал о самой знаменитой, страшной и загадочной истории с уральскими студентами, случившейся в пятидесятых на перевале Дятлова в каких-то глухих горах.

Об этой трагедии знал весь мир, и весь мир в течение последних семидесяти лет выдвигал гипотезы.

Но Егор Васильевич узнал только сейчас и, естественно, еще не успел составить собственное мнение.

Слушая версии о таинственной гибели девяти человек, Егору Васильевичу было трудно, почти невозможно, остановиться на чем-нибудь определенном. Тут могло быть все: и светящиеся шары, кружившие над горой Отортен накануне, и бак от космической ракеты, упавший рядом с палаткой и отравивший студентов своим топливом, и заграничные шпионы, прибывшие в Западную Сибирь со спецзаданием, и местные индейцы, мстящие за своих предков, и чего только еще не было, одно другого убедительнее и лучше.

Скоро Егору Васильевичу начало казаться, что тайна горы Мертвецов, не раскрытая за семьдесят лет, так навеки и останется нераскрытой.

Как вдруг он услышал еще одну, не имевшую широкого хождения версию, что шестерых мальчиков, двух девочек и усатого мужчину замордовали до смерти пьяные вертухаи с соседней зоны. И тут же Егор Васильевич бесповоротно и окончательно понял, что это и есть правда и никакой другой быть не может, словно он стоял рядом и видел, как студентов жгут, мучают, ломают ребра прикладами и оставляют умирать на морозе.

Егору Васильевичу даже приснилось нечто подобное, и он проснулся ночью. «Так... так... так...» — тикали часы на кухне, а ему казалось, что в далеком загробном мире.

Еще какое-то время Егор Васильевич смотрел десятками старые американские комедии, ему совершенно незнакомые, а для американцев бывшие тем, чем для нас «Волга-Волга» или «Веселые ребята».

Егору Васильевичу нравилось, как пели и плясали звезды Голливуда в старину и что негры мелькали там только изредка, в виде носильщиков или лифтеров.

Он не был расистом, но разговоры о том, что следующим Джеймсом Бондом будет Уилл Смит, его раздражали.

После американских фильмов Егор Васильевич какое-то время пил водку, так как погрузился в депрессию, но не сильно, так как барахлил мотор.

С раннего детства он воспитывался в уважении к войне и преклонении перед отцами и дедами, отстоявшими жизнь на земле.

Теперь же он не испытывал ничего, кроме тупого удивления перед жизнью.

А то вдруг пьяному Егору Васильевичу вспоминалось, как он в юности бредил научной фантастикой. Тогда многие ею бредили.

Когда фантасты, особенно советские, начинали рассказывать о будущем, фантазия редко заносила их дальше двухтысячного года, максимум две тысячи двадцать пятого. Заноситься дальше было то ли признаком дурного тона, то ли попахивало неверием в скорое торжество коммунизма.

Егор Васильевич помнил, как читал о голубых городах, колхозах на Венере и растопленных полярных льдах, где цвели фруктовые сады. Люди же две тысячи двадцатых были могучими брюнетами и серьезными блондинками, одетыми в серебристые комбинезоны.

Сейчас Егор Васильевич с кривой улыбкой на пьяных устах видел, что не сбылось ничего из прочитанного, кроме разве тающих льдов, на месте которых все равно ничего не росло.

Какое-то время Егор Васильевич все же смотрел старую кинофантастику, особенно американскую как более реалистичную и обещавшую в будущем не яблоки на Марсе, а массу проблем, типа «Смерть пришла из космоса», 1958 года выпуска, «Атака космических пиявок» 1959-го или «Дьяволица с Марса» 1954-го.

Но все это не могло продолжаться долго, ведь сирены выли по три раза на день, гуще пошли прилеты, у Лебедевых зять пропал под Угледаром, а от сводок о невосполнимых потерях на глазах Егора Васильевича наворачивались слезы.

Он уже хотел было вернуться назад и взяться за старые чемпионаты по снукеру, как вдруг совершенно случайно наткнулся на длинный японский телесериал или, вернее, цикл фильмов «Сказ о слепом массажисте Затоичи». Эти фильмы лучше всего отвлекли Егора Васильевича от окружающего и заставили глядеть вокруг более спокойными глазами. И хотя после нанкинской резни и «отряда 731» о японцах у него было неприятное мнение, все же теперь они предстали перед Егором Васильевичем в менее хреновом свете.

В сериале показывалось, как в старину по японским дорогам брело множество путников, тем более что транспорт в Японии еще не был изобретен, иметь коня могли позволить себе лишь единицы, а в паланкине с носильщиками катались баловни судьбы и особы, приближенные к императору. Народ же в своей массе брел.

Вместе со всеми брели и бродячие массажисты.

Как правило, этой профессии, очень нужной в Японии, обучали слепцов.

Когда они приходили в чужой город, то ходили по вечерним улицам, ища клиентов и давая о себе знать заунывными звуками флейты.

Таков был и Затоичи, кривоногий мордатый парень, в поздних сериях — неопрятный дядька со слепыми буркалами и седыми бакенбардами.

Этот пресловутый Затоичи, о котором впоследствии были сложены легенды, пелись былины и снимались телесериалы, был чем-то средним между Тилем Уленшпигелем и Зорро. Фабула же была закручена на том, что массажист Ичи, бомж и, в сущности, инвалид первой группы, был великим и смертоносным мастером клинка, который он незаметно носил в своей трости.

Не было ни одной из сотен серий, где бы в очередном городке слепой массажист Затоичи трудноуловимыми для глаз движениями не зарезал двадцать, тридцать, или хотя бы пятнадцать нехороших людей, якудза, обижавших местных вдов, сирот, стариков и, особенно, девушек из борделей, удивительно много которых функционировало в Японии в девятнадцатом веке. К этому числу, как правило, пристегивались еще один-два благородных самурая, на свою беду захотевших пофехтовать с Затоичи.

Если взять среднемесячным показателем сто зарезанных и перемножить на годы Затоичевых странствий, то получится довольно большая армия убитых негодяев тысяч в сорок-сорок пять, так что если бы Затоичи пожил подольше, он вывел бы всех якудза под корешок.

Негодяи тоже не спали и не собирались сдаваться просто так. Отчаявшись сразить героя в честном бою, они в него стреляли из пицалей и мушкетов, метали издали копья, пускали стрелы, плевали в него отравленными иголками, подсылали баб с кин-

жалом, налетали в конном строю, воровали трость с клинком, пытались сжечь Затоичи живьем или хотя бы утопить, но все это было напрасно, и от этого делалось хуже самим же нападающим.

Все это было тем более странно, что бродячий массажист Затоичи был действительно слеп с детства, но так изумительно к этому приспособился, что слепота ему только помогала.

«Я слепой, — говаривал Затоичи, — и не вижу, кого убиваю». Это можно было бы счесть кокетством, если бы Затоичи умел кокетничать.

Вот на этом-то японском сериале или, вернее, бесконечной, снимавшейся не одно десятилетие телесаге Егор Васильевич пока и остановился и лишь надеется, что Затоичи ему хватит до конца войны. В крайнем случае, учитывая его куриную память, можно будет пересмотреть все заново.

Правда, и слепой массажист не ангел и стрижет головы направо и налево, но все же с Бахмутом это не сравнить.